

Браво, Хворостовский!

4 октября 2015

Ирина Чайковская

Начну с того, что в июне этого года любимый многими баритон Дмитрий Хворостовский вынужден был временно оставить сцену – певец объявил об обнаруженной у него опухоли мозга.

Лечение проходило в Лондонской клинике, оттуда не доносилось ни звука. Я думаю, не мне одной хотелось услышать, как идет лечение, какой прогноз у врачей... И вдруг – неожиданная весть: в Метрополитен будет петь Хворостовский. К тому же, в паре с Анной Нетребко. Так что для слушателей с российскими корнями был двойной праздник. А таких в кинозале, где в синхронной трансляции из Метрополитен можно было увидеть оперу Верди «Трубадур», было много. Из всех уголков набитого людьми зала звучала русская речь.

Второе премьерное представление, о котором я пишу, состоялось третьего октября 2015 года.

При появлении Хворостовского в роли графа ди Луны зал всколыхнулся и зааплодировал. Певец появился, как написала газета Observer, «гордый и красивый в костюме Наполеона». Аплодисменты звучали после каждой его арии, а в конце, когда он вышел на поклон, зал встал и приветствовал певца стоя.

Камера приближала к нам его лицо. Прекрасно выглядит, словно и не было месяцев в клинике с тяжелейшим диагнозом, по-прежнему высок и строен, держится великолепно, а что мрачен – так того требует роль.

Роль требовала и фехтования с молодым противником, и получения ножевой раны, и падения... Все это было проделано блестяще.

Мало того, певец перед премьерой писал, что у него есть некоторые проблемы с сохранением равновесия. Но тут он и на высокую лестницу взбирался и спускался с нее – и все это во время пения! В ходе спектакля певец на аплодисменты не кланялся, из роли не выходил, но камера приближала его глаза - и мне чудились в них и радость, и благодарность, и даже слезы...

А когда в конце спектакля, на поклоне, дирижер Марко Армильято вывел певца вперед – и оркестр под аплодисменты и крики публики забросал его белыми розами, я подумала: какие молодцы, как прекрасно они выразили нашу общую радость от возвращения артиста на сцену, восхищение им!

Хотя Анна Нетребко пела Лауру впервые, она показала высокий класс не только пения, но и актерской игры. Партия рассчитана на певицу с огромным диапазоном, голос Нетребко как раз из таких.

В сценическом решении роли есть прямо-таки акробатический трюк – нужно залезть на высоченную решетку замка-тюрьмы, отделяющую Лауру от возлюбленного, трубадура Манрико.

Представить себе, как можно в длинном платье, залезть на такую высоту, потом с нее спуститься – и как ни в чем не бывало продолжить пение - невозможно. Но Анна это проделала, а в самом конце спектакля, в сцене смерти Лауры, пела в горизонтальном положении в исключительно неудобной для пения позе. И как пела!

Нельзя не отметить южно-корейского тенора Йонгхуна Ли, которого, как и русских певцов, приняли на ура. Действительно, у сорокадвухлетнего исполнителя партии Манрико редкий по красоте голос, изящные повадки и благородная осанка. Он вполне подходит на роль благородного разбойника, по совместительству трубадура.

Что до цыганки Азучены в исполнении американки Долоры Зайк, то ее игрой я довольна больше, чем пением. В первой самой известной арии ее героини, которая входит в репертуар всех меццо, как мне показалось, она слегка фальшивила, не попадала в тон с оркестром.

Объяснением этому могут быть ее слова из традиционного интервью в перерыве, которое брала у певцов известная американская певица Сьюзен Грэм - ей еще предстоит в этом сезоне выступить на сцене Метрополитен-опера. Долора сказала, что она была scared (испуганной) – и это при том,

что на протяжении долгой творческой карьеры она пела в Мет главные меццо-сопрановые партии. Да, эта огромная сцена может подавить.

В этот раз декорации были грандиозны и мрачны - голые каменные стены огромного замка, поворачивающегося к зрителям то одной, то другой своей стороной.

Великолепно играл оркестр под управлением итальянца-дирижера Марко Армильято.

И нельзя не отметить хор, который, как я замечаю уже ни в первый раз, не только хорошо поет, но и прекрасно разыгрывает различные сцены и сценки.

Вот, скажем, цыганский табор. Поразительно, как хор, состоящий из американцев всех оттенков кожи, не переодеваясь в лохмотья и не перевоплощаясь в свободное цыганское племя, показал его пантомимически и музыкально.

Известно, что цыгане были прекрасными кузнецами. Во время «хора цыган» дюжие молодцы с молотками в руках, стоящие у огромной железной наковальни, изо всей силушки били по ней. Этот громовой удар совпадал с ударом соответствующей группы оркестра. Общий музыкально-эмоциональный эффект этой сцены трудно описать.

В антракте мы увидели сына Анны Нетребко - мальчонку лет шести, живого и очень на нее похожего, а еще услышали слова Дмитрия Хворостовского, обращенные к его родителям в Москве и к семье в Лондоне.

Он сказал по-русски: «Привет, мама и папа!» и потом: «Привет, Фло, Максим и Нина!» Можно себе представить, что делалось в этот момент с теми, кому эти слова были адресованы.

"Трубадур", поставленный режиссером из Шотландии сэром Мак-Викаром на сцене Метрополитен-опера, вызвал безоговорочный восторг публики.

Прекрасная, исполненная сильных страстей музыка Верди преобразила мрачный и временами нестерпимо жестокий сюжет. И пусть в конце спектакля двое влюбленных погибли, публика знала: они-таки выйдут на поклон. Ну, пусть не они, а их блистательные исполнители, появление которых было встречено долгими, очень не скоро затихшими аплодисментами.